

UNITED WISDOM

Дом как практика, а не только собственность

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-27-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Дом как практика, а не только собственность

Эпиграф

Польза комнаты зависит от пустого пространства внутри.

— «Дао дэ цзин»,11. Сокращённый перевод United Wisdom смыслового фрагмента английского перевода Джеймса Легга: “but it is on the empty space (within), that its use depends.” Это образ о пользовании; не доказательство превосходства пустого интерьера.

О чём эта статья

Дом может принадлежать человеку по документам и всё ещё не стать местом, где ему удобно жить. А в съёмной комнате иногда складывается узнаваемый уклад: утренний свет, место для вещей, возможность отдохнуть и договориться о тишине. Эта статья рассматривает дом как повторяемое участие в пространстве — заботу, пользование, переговоры и изменение. Она не умаляет значение защищённого жилья и не предлагает заменить материальные условия внутренней работой. Через Аристотеля, «Дао дэ цзин», «Лунь юй», Марка Аврелия, Торо и Раскина мы различим собственность, пригодность, память и отношения. Исторические тексты дадут вопросы и различия, а бытовые сцены останутся авторскими примерами. Читатель сможет посмотреть на одну домашнюю задачу без требования создать идеальный интерьер или доказать свою состоятельность. Главное внимание — к тому, что действительно поддерживает нынешних обитателей и оставляет им возможность участвовать в решениях.

I. Ключ от двери и право жить

Представим человека, который получил ключи от собственной квартиры. Документы подписаны, вещи перевезены, на кухне стоит первый чайник. Однако вечером он по привычке держится так, будто занимает чужое место: старается ничего не передвигать, откладывает простые решения, не знает, где ему удобно читать. В другой комнате человек живёт по договору найма, но умеет организовать утро, оставить себе тихий час и пригласить друга без ощущения экзамена. Эти вымышленные сцены не доказывают, что собственность не имеет значения. Они показывают два разных вопроса: на каком основании мы пользуемся помещением и каким образом превращаем пользование в повседневную жизнь. Ответ на первый вопрос важен для защищённости. Ответ на второй нельзя получить вместе с выпиской о праве собственности.

Слово «практика» здесь означает повторяемое участие: готовить еду, договариваться о шуме, замечать поломку, оставлять место для отдыха, распоряжаться доступными средствами. В этом смысле дом возникает во времени, а не только на плане. Устройство комнаты помогает или мешает этим действиям; действия, в свою очередь, изменяют комнату. Удобная полка появляется потому, что человек заметил привычку класть сумку на проходе. Но привычка не обязана становиться законом: после травмы, рождения ребёнка или смены работы прежнее расположение вещей может потребовать пересмотра. Дом как практика способен учитывать перемену, тогда как дом как законченный образ заставляет человека всё время соответствовать уже выбранной картинке.

В первой книге «Политики» Аристотель рассматривает домашнее сообщество как объединение для повседневных нужд. Это историческая концепция, связанная у него с патриархальной властью и оправданием рабства; такую иерархию мы не принимаем как современную норму. Для нынешнего вопроса полезен более узкий поворот внимания: жилище существует среди отношений и действий, а не отдельно от них. Из этого не следует, что жить одному неполноценно или что семья должна иметь определённый состав. Один человек тоже поддерживает отношения с соседями, мастерами, друзьями и собственным будущим состоянием. Заметить эту сеть — значит увидеть условия жизни точнее, без требования доказать, что твой способ проживания «настоящий».

II. Пространство оставляет возможность

В одиннадцатой главе «Дао дэ цзин» польза комнаты связана не только со стенами, но и с незаполненным пространством внутри. Это образ в философском тексте, а не инструкция архитектору и не доказательство преимуществ минимализма. Его можно осторожно использовать как вопрос: что здесь остаётся возможным? В комнате бывает много красивых предметов, но негде поставить стул для разговора. Бывает и почти пустая комната, в которой невозможно удобно сесть. Поэтому количество вещей само по себе мало говорит о пригодности жилья. Важно, позволяют ли они человеку выполнить нужное действие без постоянного препятствия и доступно ли это действие всем, кто вправе пользоваться помещением.

Попробуем посмотреть на домашний предмет через его участие в жизни. Стол может быть местом работы, общей еды и разбора лекарственных упаковок; не обязательно превращать его в символ одного идеального занятия. Если эти задачи конфликтуют, полезнее договориться о времени и хранении, чем объявлять кого-то неряшливым. Свободная поверхность иногда ценна тем, что готова принять незапланированное: письмо, ремонт, визит, усталый локоть. Однако освобождение места не даёт права выбрасывать чужие вещи или обесценивать чью-то память. Пространственная свобода

имеет отношения своим условием. Там, где один человек называет стол захламлённым, другой может видеть единственное доступное место для своей работы.

Для арендатора или человека в общежитии эта мысль особенно требует масштаба. Нельзя распоряжаться всеми стенами, выбирать соседей или менять планировку. Практика начинается в пределах реального доступа: подписанная коробка, удобное место для ключа, договорённость о свете, собственная чашка. Такой небольшой участок не изображает решение жилищной проблемы. Он помогает различить то, что сейчас можно изменить, и то, для чего нужны деньги, согласие, иной договор или помощь. Оставленное место становится поддержкой, когда облегчает конкретный следующий шаг. Если оно существует только ради фотографии и лишает обитателя нужных вещей, пространство начинает обслуживать образ вместо жизни.

Есть ещё важная проверка: удобно ли пространство тому, чьё движение или восприятие отличается от привычного для хозяина? Проход, который взрослый легко обходит боком, может стать препятствием для человека с ходунками. Высокая полка освобождает пол, но делает ежедневный предмет недоступным. Мы не составляем здесь нормы доступности и не заменяем профессиональную оценку. Речь о простом принципе участия: полезность нельзя окончательно оценить глазами одного обитателя. Перед изменением стоит спросить того, кого оно затронет, и дать ему проверить результат. Ответ «мне так хуже» содержит сведения о пользовании, даже если новый вариант выглядит аккуратнее. В общем доме удобство одного человека не должно автоматически называться общим порядком. Иногда лучшая организация оставляет больше видимых вещей, потому что именно так другой человек сохраняет самостоятельность и не должен постоянно просить о помощи.

III. Работа, которая возвращается

Пол вымыт, а завтра на нём снова следы. Еда приготовлена, а вечером посуда опять занята. Повторяемость домашнего труда легко принять за отсутствие результата: будто человек весь день делал что-то, но ничего не создал. Между тем чистая чашка, доступная одежда и работающая дверь — результаты, просто ими сразу пользуются. Для разговора о доме полезно различать завершённый предмет и поддерживаемое условие. Первое можно показать после работы. Второе часто замечают лишь тогда, когда оно исчезает. Дом требует и создания, и поддержания; задача не становится менее реальной из-за того, что завтра понадобится повторение. Но признание её ценности ещё не отвечает на вопрос о справедливом распределении.

Представим пару, в которой один человек говорит: «Надо было только попросить». Другой к вечеру успел проверить продукты, записать ремонт, найти чистое бельё и решить, кого предупредить о визите. Здесь расходятся не только минуты физической

работы. Различается ответственность за то, чтобы задача вообще стала видимой. Авторское предложение этой статьи — обсуждать полный цикл: заметить нужду, определить приемлемый результат, выполнить действие и проверить, что оно завершено. Это удобный язык разговора, а не установленная психологическая методика. Он позволяет спросить, кто несёт цикл целиком и что произойдёт, если этот человек заболеет, уедет или перестанет молча помнить обо всём.

При этом полная симметрия не всегда возможна и не всегда желательна. У людей разные силы, рабочие графики, ограничения движений и представления о чистоте. Равное достоинство не требует одинакового количества каждого действия, но требует возможности обсуждать нагрузку и отказываться от непосильного. Список задач полезен, если открывает переговоры; он становится новым давлением, если превращается в ежедневную оценку личности. Даже хорошо составленное расписание нуждается в запасе на болезнь и случайность. Дом как практика не обещает безупречное выполнение. Он даёт способ признавать труд, договариваться об обязательствах и возвращаться к ним после срыва без решения, что кто-то теперь навсегда «плохой хозяин».

Когда часть работы оплачивается, забота не исчезает и не становится чьим-то естественным предназначением. Уборщик, мастер или помощник приходит выполнить оговорённую задачу; он не обязан угадывать все предпочтения обитателей. Полезно заранее объяснить результат, доступные средства, время и то, к каким вещам нельзя прикасаться. Привлечённый труд также нуждается в уважении к отказу и пределам договора. Подробности оплаты и прав зависят от конкретной ситуации, здесь мы их не определяем. Но образ идеального дома не оправдывает унижения человека, который помогает его поддерживать. Если удобство хозяина держится на том, что другой вынужден бесконечно исправлять неоговорённые мелочи, вопрос о практике остаётся незавершённым. Стоит увидеть реальных участников заботы, а не только результат на фотографии. Достоинство работы проявляется и в условиях её выполнения, и в отношении к исполнителю.

IV. Уклад без домашнего экзамена

Домашний уклад связывает действия в узнаваемую последовательность. Человек открывает шторы, ставит воду, проверяет, что дверь закрыта, оставляет телефон подальше от постели. Сам по себе такой порядок не делает человека духовно зрелым. Его ценность можно оценить скромнее: меньше ли ненужной путаницы, легче ли заметить свои потребности, остаётся ли возможность изменить ход дня? Ритуал отличается от принудительного исполнения именно наличием осмысленного участия. Если утренний порядок требует столь много сил, что человек начинает день с обвинений в свой адрес, возможно, порядок нуждается в упрощении. Дом не обязан каждый день подтверждать, что его обитатель заслужил покой исключительно дисциплиной.

В «Лунь юй» I.12 говорится о ценности согласованности в соблюдении ритуала и одновременно о том, что одной непринуждённости недостаточно. Это рассуждение из исторической культуры ли, включающей общественные и семейные роли. Оно не равнозначно современному совету составить распорядок дня. Для нашей темы оно открывает напряжение между формой и живым участием. Знакомое действие может помочь встрече, но может и подменить встречу. Гость слышит обязательное «Чувствуй себя как дома», однако не понимает, где можно сесть и что нельзя трогать. Более скромное объяснение правил иногда оказывается гостеприимнее красивой формулы, потому что превращает неопределённость в доступное действие.

Уклад также бывает предметом несогласия. Один отдыхает в тишине, другой любит музыку во время готовки; одному нужна пустая раковина на ночь, другому важнее вовремя лечь спать. Эти различия не требуют немедленного диагноза отношениям. Можно разделить предпочтение, обязательную потребность и условие безопасности. Затем определить, где допустим компромисс, а где требуется другое время или зона. Разговор лучше вести о наблюдаемом: «После одиннадцати звук мешает мне спать», а не о характере: «Ты никогда не уважаешь дом». Иногда соглашение не находится с первого раза. Возможность пересмотреть его через неделю помогает отличить совместный уклад от одностороннего указа, даже если начальный вариант оказался неудобным.

V. Вещи: память и текущая функция

Чашка с трещиной бывает бесполезна для чая и важна как память о человеке. Новый стул бывает дорогим и неудобным. Квартира содержит вещи с разными основаниями присутствия, и одно мерило здесь быстро начинает вредить. Утилитарная пригодность, связь с памятью, эстетическое удовольствие и обязательство сохранить чужое — разные основания. Их можно назвать, не требуя от каждого предмета оправдаться перед всеми сразу. Тогда вопрос «Зачем это здесь?» перестаёт звучать как обвинение. Он становится уточнением: чем мы сейчас пользуемся, что бережём, что просто не успели решить и какие решения нельзя принимать в одиночку.

Раскин в главе «Светоч памяти» описывает обычное жилище как возможного носителя истории и призывает строить с учётом тех, кто придёт позже. Его архитектурный идеал связан с христианским мировоззрением и предпочтением долговечности; он не требует от нынешнего жильца сохранить каждый предмет. Можно принять более ограниченный вопрос: какую историю мы хотим оставить доступной? Иногда достаточно подписи на обороте фотографии или рассказа о столе, вместо хранения всех вещей комнаты. Иногда важно сохранить сам объект, потому что следы работы и времени не заменяются изображением. Решение зависит от человека, состояния предмета, места и согласия тех, кому он принадлежит.

Опасность появляется, когда вещи получают право запрещать жизнь. Нельзя садиться на диван, использовать сервиз, переставлять шкаф или открывать окно: всё должно остаться как прежде. При этом память не обязательно требует неподвижности. Мы можем сохранить рассказ о прошлом и одновременно сделать помещение доступным нынешнему обитателю. Это не равнозначно бесчувственному избавлению от истории. Обратная опасность — обещание мгновенно освободить человека через тотальную уборку. Избавление от вещи не гарантирует прекращения горя, а сохранение не означает неспособности двигаться дальше. Домашние решения лучше принимать в собственном темпе; если предметы связаны с чужой утратой, разговор важнее уверенного совета о правильном количестве воспоминаний.

Покупка тоже может быть способом заботы, если её причина ясна. Дополнительная лампа помогает читать, удобный инструмент делает действие посильным, хороший матрас отвечает конкретной потребности. Отказ от всех приобретений не обладает автоматическим нравственным преимуществом. Перед решением можно различить проблему, которую вещь решает, и состояние, которое реклама обещает вместе с ней. Стул может поддержать спину, но не обязан дать чувство окончательно состоявшейся жизни. Если ожидание значительно шире функции, полезно заметить его до покупки, а не обвинять себя после. При ограниченных средствах вопрос становится особенно

конкретным: какую ежедневную трудность уменьшит эта трата и есть ли доступная альтернатива? Это приглашение к размышлению, не финансовый совет. Иногда ответ откладывает приобретение; иногда подтверждает его, освобождая от необходимости объяснять полезную вещь как роскошь или доказывать свою добродетель через неудобство.

VI. Дверь, которую можно закрыть

Гостеприимство часто изображают как способность открыть дверь любому человеку в любой момент. Но обитаемый дом предполагает также возможность дверь закрыть. Визит требует времени, сил, иногда расходов; присутствие гостей затрагивает всех жильцов, а не только приглашающего. Отказ от встречи сегодня может поддерживать дружбу лучше, чем приглашение, после которого хозяин несколько дней восстанавливается и сердится. Здесь важно говорить конкретно: сейчас не могу принять, могу встретиться в другом месте, могу предложить другое время. Эти слова не обязаны сопровождаться полным отчётом о личных обстоятельствах. Участие в отношениях не требует превращать жильё в пространство постоянной доступности и демонстрации.

В то же время граница не должна служить прикрытием власти одного человека над остальными. Если общую квартиру можно закрыть только по решению владельца, другие жильцы фактически теряют возможность общаться. Право пригласить и право отдохнуть нуждаются в соглашении, учитывающем продолжительность, частоту и доступные комнаты. Иногда вопрос решается предупреждением, иногда — ограничением вечернего шума, иногда общим правилом ночёвок. Нельзя заранее объявить одно решение нравственно лучшим для всех домов. Можно проверять, знают ли участники правило, могли ли они на него повлиять и существует ли способ обсудить исключение без унижения. Такая проверка касается устройства договорённости, а не соответствия людей идеалу открытости.

Эпизод «Лунь юй» X.12 после пожара в конюшне переносит внимание на пострадавших людей. Этот приоритет помогает вспомнить, для кого поддерживается пространство. Красивый приём теряет смысл, если ради него один из обитателей должен скрывать боль, усталость или страх. При угрозе насилия разговор о гостеприимстве уступает реальной безопасности: человек не обязан открывать дверь тому, кто угрожает, и не обязан исправлять опасную ситуацию домашним ритуалом. Эта статья не задаёт план защиты или правовой порядок действий. Её граница проще: философское рассуждение о доме не может быть основанием требовать терпения там, где нужны дистанция, безопасное место и подходящая помощь.

VII. Внутренняя опора не заменяет крышу

Марк Аврелий в «Размышлениях» IV.3 предлагает возвращаться к собственной внутренней области, вместо того чтобы связывать покой исключительно с загородным домом или морским берегом. Это обращённое к себе стоическое упражнение императора, а не оценка людей без безопасного жилья. Оно помогает поставить один вопрос: какие доступные мысли и действия я могу унести с собой? Но из него нельзя вывести, что жилищные условия не важны. Шум, холод, отсутствие приватности и угроза выселения остаются материальными обстоятельствами. Внутренняя работа может сосуществовать с усилиями изменить условия; она не отменяет потребность в крыше и не превращает лишение дома в урок, который человек якобы должен принять с благодарностью.

Временное проживание обнажает это различие. Человек оставляет привычную квартиру, живёт у родственника и не знает даты возвращения. Он может сохранить утреннюю прогулку, связь с другом, порядок важных документов и небольшой угол для своих вещей. Эти действия не восстанавливают утраченное жильё. Они поддерживают некоторую непрерывность участия в собственной жизни, пока большие решения ещё не доступны. Важно не предъявлять к ним требование немедленной эффективности. Один день человек способен организовать, другой — только пережить. Отсутствие устойчивого распорядка в нестабильных обстоятельствах не доказывает недостаток характера, а полезная привычка не делает внешнюю зависимость справедливой или добровольной.

Торо описывает свой опыт в «Уолдене» как частное предприятие, а не единственный приемлемый способ жить. Поэтому его домик не следует превращать в обязательный образец простоты. Уединение было частью конкретного авторского замысла; читатель с детьми, уходом за близким или ограниченными средствами находится в другой ситуации. Можно перенести вопрос об избыточной нагрузке, не переносить устройство жизни целиком. Какая вещь требует больше сил, чем приносит пользы? Какая задача держит меня в состоянии постоянного обслуживания образа? Ответ иногда ведёт к покупке удобного инструмента, а иногда — к отказу от покупки. Практическая свобода здесь определяется возможностями и ответственностями человека, а не количеством вещей относительно чужой фотографии.

VIII. Дом продолжается через изменение

Дом редко бывает завершённым раз и навсегда. Меняются состав жильцов, доходы, работа, телесные возможности и значение знакомых вещей. У человека, который долго обустраивал пространство, перемена может вызывать обиду: столько сил вложено, а теперь приходится начинать снова. Однако новый порядок не обесценивает прежний труд. Полка служила своей задаче; теперь задача другая. Сохранить полезное и признать устаревшее можно без общей оценки прожитого периода. Дом как практика предлагает именно такую непрерывность: не вечную верность одному расположению мебели, а способность снова заметить потребность и ответить на неё в доступном масштабе, включая ответ «сейчас я не могу сделать больше».

Переезд показывает, что переносится не только имущество. Человек забирает знание о том, какой свет нужен для чтения, что помогает различать рабочее время и отдых, какой разговор необходим при совместном проживании. Некоторые привычки пригодятся сразу, другие потребуют нового согласия. Стремление воспроизвести прежний дом полностью может мешать увидеть особенности нового места. И всё же не нужно требовать мгновенного привыкания. Иногда чашка, которую не распаковали неделю, ждёт своего времени; иногда человеку важно сразу устроить один угол. Нет универсальной последовательности, которая превращает помещение в дом за определённое число дней. Вопрос о достаточности остаётся открытым для реального обитателя, а не решается внешним стандартом обустройства.

Наконец, домашняя практика включает возможность передать заботу. Записать, где выключается вода, объяснить использование сложного устройства, договориться о поливе растения, рассказать о важном предмете — значит сделать пространство понятнее другому. Но передача не равнозначна требованию продолжить нашу жизнь в прежнем виде. Тому, кто придёт, могут понадобиться иные правила. Мы способны оставить сведения, исправное состояние и разрешение менять; всё вместе бывает полезнее торжественного обещания навсегда сохранить каждый угол. Тогда собственность остаётся одной из форм ответственности, а дом — местом, где живые люди могут действовать, отдыхать, встречаться и пересматривать решения. Его ценность раскрывается в этом участии, даже когда идеальная картина ещё не сложилась и вряд ли сложится окончательно.

Проверять домашнюю практику можно по небольшим следствиям, а не по общему впечатлению «стало правильно». После перестановки ключ находится быстрее, но проход сузился. После нового правила встречи планируются легче, но один человек перестал приглашать друзей. Эти наблюдения позволяют исправить решение, прежде чем оно получит статус традиции, которую нельзя обсуждать. Выбирать признак

изменения лучше заранее и вместе с теми, кого затронет шаг. При этом любое наблюдение остаётся локальным: удачный вариант для этой комнаты не доказывает пользу для всех квартир. Не требуется превращать дом в исследовательскую лабораторию. Достаточно сохранить способность видеть цену удобства и слышать тех, кто несёт эту цену. Такое внимание не гарантирует согласия, но делает несогласие предметом разговора, а не скрытой платой за благополучный внешний вид. Дом продолжает быть практикой именно потому, что его решения можно проверять и менять.

Что это значит на практике

Выберите одну небольшую домашнюю ситуацию, которая повторяется: поиск ключей, вечерний шум, занятый стол, полив растения. Не берите сразу весь дом и не начинайте с чужой ошибки. Запишите, какое действие вы хотите сделать возможным, что сейчас мешает и кто ещё пользуется этим местом. Отдельно отметьте материальное ограничение: мало места, нет средств, нельзя менять устройство, требуется согласие. Эта отметка нужна, чтобы не превратить внешнее условие в обвинение себе.

Затем предложите один обратимый шаг: изменить расположение собственной вещи, подписать коробку, заранее предупредить о визите, обсудить время общего действия. Если затрагиваются чужие предметы или отдых, сначала договоритесь. Определите срок проверки, например через несколько дней: стало ли конкретное действие удобнее и кому стало менее удобно? Результат может быть отрицательным. Тогда верните прежний вариант или выберите другой шаг, сохранив наблюдение.

Наконец, спросите, кто заметит следующую нужду и кто завершит весь цикл задачи. Иногда именно это обсуждение полезнее новой покупки. Не используйте упражнение как оценку характера жильцов, способ заставить человека заботиться или доказательство лечебного эффекта. Если нет безопасного жилья либо есть угроза, приоритетом остаются реальные условия безопасности и подходящая помощь; небольшой порядок их не заменяет. Достаточный итог этой практики — одно ясное наблюдение и одно посильное решение, в котором участники сохранили право согласиться, отказать и пересмотреть.

Ключевая цитата

> *Жизнь, которую люди хвалят и считают успешной, — лишь один из видов жизни.*

— Генри Дэвид Торо, «Уолден», «Экономия». Перевод United Wisdom с английского оригинала. Фраза завершает сравнение его собственного литературного дела с продажей корзин; она не обесценивает материальную устойчивость и не даёт всем один жизненный рецепт.

Связи между традициями

Текст и линия	Что освещает	Различие и предел
Аристотель, «Политика» I.1–2 [3]	Повседневные нужды внутри сообщества	Исторические рабство и патриархат не являются современной нормой; одиночное проживание не обесценивается.
«Дао дэ цзин» 11 [1]	Пользование зависит и от свободного места	Философский образ не доказывает превосходство минимализма.
«Лунь юй» I.12; X.12 [4]	Ритуальная форма и приоритет людей	Историческое ли не совпадает с домашним расписанием; сходство здесь вопросительное.
Марк Аврелий IV.3 [5]	Переносимая внутренняя опора	Стоическая работа не заменяет крышу, приватность и безопасность.
Торо, «Уолден», «Экономия» [2]	Цена поддержания избранного образа жизни	Частный авторский опыт не служит обязательной моделью для семей.
Раскин, «Светоч памяти», VI, IX–XI [6]	Жилище как носитель памяти и заботы о следующих	Христианский архитектурный идеал не требует сохранять каждую вещь или опасное строение.

Связи составлены редакцией как ограниченное сопоставление. Тексты не объявляются выражениями одной доктрины; их основания и исторические условия различаются.

Первоисточники

[1] Laozi. The Tao Teh King / Dao De Jing. Ancient text; Legge translation 1891. Chapter 11; context of vessel, wheel and room. James Legge English translation, Project Gutenberg #216. Фактически прочитано: Chapter 11 in full, neighbouring chapters 8–12 as displayed in the primary text

[2] Henry David Thoreau. Walden. 1854. Economy: opening; necessities of life; paragraphs containing private business and The life which men praise. Project Gutenberg #205, English original. Фактически прочитано: Economy opening through displayed paragraph beginning My purpose in going to Walden Pond, selected relevant passages read; not entire book

[3] Aristotle. Politics, Book I. Fourth century BCE. Book I, parts 1–2, household for daily needs. Benjamin Jowett English translation, Internet Classics Archive. Фактически прочитано: BookI parts1–2 passages about communities, household, village and historical hierarchy read

[4] Confucius / Analects compilers. The Analects. Ancient compilation; historical Legge translation. I.12 and X.12 (harmony in ritual; stable fire). James Legge English translation, Project Gutenberg #3330. Фактически прочитано: I.12 in full and neighbouring I.5–13; X.7–15 including X.12 fire response

[5] Marcus Aurelius. Meditations, Book IV. Second century CE. IV.3, inner retreat and return to action. George Long English translation, Internet Classics Archive. Фактически прочитано: IV.1–4 including complete IV.3 as displayed

[6] John Ruskin. The Seven Lamps of Architecture. 1849. Chapter VI The Lamp of Memory, VI and IX–XI. Project Gutenberg #35898, English original. Фактически прочитано: ChapterVI opening and passages VI, IX–XI concerning homes, memory and later inhabitants; selected scope not complete volume

Теги

дом, жилище, собственность, аренда, практика, забота, пространство, уклад, повседневность, отношения, границы, гостеприимство, труд, договорённости, память, вещи, перемены, переезд, безопасность, автономия, ответственность, Аристотель, Лао цзы, Конфуций, Марк Аврелий, Торо, Раскин, философия, участие, достаточность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.